Рост Михаил 1985/VIII

„КОМСОМОЛЬСКОЕ ЗНАМЯ"
г. КИЕВ

«КОМСОМОЛЬСКОЕ ЗНАМЯ» 11 августа 1985 года.

ОЧЕРК

ВРЕМЯ РОСТА

Детская память — цепкая память. Сколько всего запоминается в этом возрасте сходу и надолго. И уже потом, во взрослой жизни, вдруг высветятся, казалось, давно забытые впечатления детства. И неожиданно поймешь, что именно они подсказали единственно правильное решение неразрешимого вопроса, конфликтной ситуации, стали суровыми судьями поступков, слов, прожитых лет.

Эту особенность детского возраста он знал. Может, потому наши родители, и родители наших родителей помнят его до сих пор. Нет, не по фамилии, а по образам. Лесовик из «Лесной песни», мольеровский Скапен, Кочубей, комиссар Воробьев из «Повести о настоящем человеке», Валько из «Молодой гвардии» (за этот спектакль театр получил премию Ленинского комсомола)...

Фамилия тогда не запоминалась, главным было то, что его герои заставляли волноваться, плакать, смеяться или негодовать. И — верить всему тому, что происходило на сцене, и торжественно зачислять себя в число помощников мужественных, честных, добрых, и чувствовать непримиримую вражду к злым, хитрым, корыстным.

Фамилия тогда не запоминалась... А ведь он был депутатом горсовета первого созыва, работал в одной из комиссий вместе с Александром Довженко, дружил с прекрасными детскими писателями Иваном Неходой и Александром Копыленко.

Он постигал тайны мастерства под началом лучших режиссеров своего времени — Владимира Нелли, Костя Кошевского, Александра Саломарского... Сам ставил спектакли. Многие из артистов ведущих театров страны считают себя его учениками.

В исследованиях театральных историков он фигурирует как один из основателей Киевского ТЮЗа, где до сих пор о нем ходят легенды.

Н. Козленко, заслуженный артист УССР, успевший поработать с этим артистом «лишь двадцать», по его словам, лет, вспоминает: «Как-то, еще до войны, отправился с мамой на базар продавать овощи с огорода. А выручив деньги, пошли в театр. Ну в какой же еще — в детский, конечно. Что шло — не помню, но артист с редкой фамилией — не забылся. Прошли годы, я закончил институт, стал актером, неожиданно для себя пришел в театр, запомнившийся по первому детскому впечатлению. И встретился с понравившимся когда-то актером. Здесь он был истинной душой коллектива. К сожалению, уже почти десять лет мы работаем без него, но как чувствуется его отсутствие».

Да, он — пенсионер, его первые юные зрители — тоже пенсионеры, но обесценилось ли от этого все, что успел сделать в жизни этот, уставший от болезней, но по-прежнему влюбленный в детство человек?

...Рост сидит на стуле рядом со своей гитарой и смотрит в окно.

Он в голубом спортивном костюме, чувствует себя еще неважно после болезни. В его тихой комнате в глубине старого дома на Пушкинской тикают ходики с белым, как лунный свет, маятником. Вообще часов здесь много.

Рост говорит. (У него такая профессия). Я слушаю. (У меня такая профессия). Слушаю и записываю. И надо же случиться такому — исписался стержень шариковой ручки. Я лихорадочно начал шарить по карманам. Остановленный моей непредусмотрительностью монолог старого артиста о времени и о себе ждал своего продолжения. Комната со множеством часов все еще словно сохраняла отголоски воспоминаний о работе над горьковскими «Мещанами».

Наконец-то отыскалась ручка, сувенирная, в виде ружья. Рост посмотрел на меня, я — на Роста. Мы поняли друг друга. Он сказал: «Мещан» отменили. Я записал в блокноте — война.

...Над Жулянами уже кувыркались самолеты, наши и ненаши. В полдень по радио выступил Молотов. У артистов воскресенье — рабочий день, но с этого воскресенья представления переносились на какое-то неопределенное «потом».

Что делать? У заместителя секретаря парторганизации ТЮЗа Михаила Роста — бронь. Но Левитан новостями не утешал. И на четвертый день войны артист пошел проситься добровольцем.

Так Рост стал бойцом комполка. Выпускники театрального института, зачисленные сюда же, не в костюмерных примеряли новую форму — красноармейскую. Обучение велось в пригородных лесах. Потом повезли на фронт, фронт подбирался к Дымеру. Передали — не приказ, просьбу — нужно держаться, товарищи. Держались.

Помнит, только светать начало — фашисты, две роты. Окопались. Приняли бой. От добровольцев осталось полозика. Майор окинул взглядом живых, отдал приказ, и Рост стал политруком пятой роты 380 го стрелкового полка.

...Он родился в апреле, первого. Давно это было. Семьдесят восемь лет назад. Родители смутились — станет несчастливым, и дочь рождения сына отмечали на сутки вперед. И ему действительно везло. В молодой стране начиналось активное время роста талантов, рождения новых театров. Одним из них был театр для детей.

Киевский, тогда еще не столичный, ТЮЗ начинался с худрука Ирины Деевой, немножечко смешной, в чем-то наивной, способной, однако, захватить своим воображением всех окружающих. Эпоха других звезд, это все же чуть погодя, а вначале была она, необыкновенной влюбленности в театр и детей женщина. В гражданскую служила в конармии Буденного, была бойцом не из робкого десятка. Это она поставила «Вильгельма Телля», «Робин Гуда», «Дон Кихота»... Сколько потом замечательных людей притянет к себе орбита детского театра, вернее, замечательными станут они именно благодаря и этому театру.

Рост пришел к юным зрителям в тридцать четвертом, когда в репертуаре уже имелась нашумевшая «Синяя птица», поставленная Борисом Вершиловым при содействии Станиславского; после многих других спектаклей, определивших лицо театра. Пришел, чтобы тут же... попасть в историю.

Наряжая своих детей дюймовочками, ромашками или снежинками на новогодний утренник, мы теперь и не задумываемся даже, кто начинал эту традицию. А ведь одним из самых первых, так сказать, живым Новым годом для киевской детворы стал Миша Рост, а роль Деда Мороза тогда, полвека назад, исполнил корифей украинской сцены Иван Паторжинский. И вместе с детьми необычному дуэту восторженно аплодировала выдающаяся певица М. Литвиненко-Вольгемут.

Таких фактов у Михаила Аркадьевича целая папка, там же собраны рецензии на спектакли за многие десятилетия, с момента, когда Рост впервые вышел на театральные подмостки в одной из пьес Островского.

Он опять смотрит в окно, за которым — воспоминания. Я помню это окно: сначала с приклеенным ветром листиком, затем — с морозным узором, теперь — с дождевыми каплями. Конечно, мы могли бы и не расставаться на такие промежутки, но его проклятые болезни затягивали наши встречи, словно предоставляли тем самым дополнительное время для раздумий о времени уходящем. Еще раз рассматриваю обстановку комнаты, забежав к Ростам после 9 мая. На овальном столе, придвинутом поближе к книжным полкам, сверкает недавно полученная юбилейная медаль по случаю 40-летия Победы. Ее обладатель подходит к серванту и достает оттуда большую довоенную, с видами Москвы, коробку из-под конфет, там у него хранятся все награды. Туда же он положит и новенький орден Отечественной войны, где точно такой, но посеребренный, уже имеется. Он самый дорогой, не часто такие давали в сорок первом.

А вот уже знакомая большая фотография внука Андрея, который на вопрос деда, кем он будет — артистом или журналистом, отвечает: артистом, конечно, у них легкая жизнь. Веселый парень. Но как раз с легкой жизнью актеру Росту абсолютно не везло. На фронте в районе Житомирского шоссе был ранен. Разрывная пуля угодила в правое плечо. И, как следствие, — временная слепота. Его дотащили к артиллеристам, затем в госпиталь, где навестивший раненого артист Иван Садовский сообщил: семья успела эвакуироваться. Стало легче.

После госпиталя его спросили: хотите учиться в военной академии, политрук?

— Нет. Я очень люблю свою гражданскую профессию, а военный, потому что война.

...Уже после войны Рост, до того почти не работавший с микрофоном, вдруг станет одним из самых авторитетных в республике мастеров кинодубляжа, его охотно будут приглашать и на радиоспектакли. А ведь совершенствовать владение голосом ему пришлось сначала будучи батальонным комиссаром, затем — инструктором политотдела дивизии, в обязанности которого входило одно — агитация в боевой обстановке. Тишина многоголоса, и в сегодняшней мирной тишине Хсварина, Можайска, Истры еще звенит голос боевого агитатора Роста.

Затем старший политрук Рост получит новое назначение — инструктором политотдела 5-й армии. Когда представляли командующему, Федюнинский, просмотрев анкету, вдруг остановился на строке «1929—1933 гг. — артист цирка»: «Циркач, значит? — улыбнулся генерал, — да ты не стесняйся, расскажи подробнее...»

Что ему было стесняться. Трудиться начал слесарем электромеханических мастерских Юго-Западной железной дороги. После смены — клуб, участие в спектаклях самодеятельного коллектива «Мотор». Как лучшего кружковца взяли в театр-студию «Красный петух», она же — театр-газета. Там и проходил первую школу актерского мастерства. Затем пригласили на эстраду, колесил по стране с цирковыми номерами в духе времени, работал в разъездных театрах. Декламировал, пел, играл, танцевал, занимался акробатикой.

Но аплодисменты остались позади. Позади остались зрители. Особые. Самые строгие, самые верные и благодарные, всегда провожавшие своего кумира домой после спектаклей.

Позади была и Москва, в которой он стал лауреатом 1-го Всесоюзного смотра ТЮЗов.

Шло лето — 42-го. Мы наступали.

В одном из боев его тяжело ранило. С перебитым тазобедренным суставом в строй не возвращаются. На сцену — тем более. Как же жить дальше?

И начались мучительно длинные госпитальные месяцы. Об актерстве он уже не думал, силы покидали его. И тогда пришел Микола Бажан: «Выздоравливайте, вас ожидает интересная работа». Он в это не верил. Но сюда, в Уфу, все шли и шли письма «победителю, актеру, гражданину» со всех фронтов, из освобожденных театров. Писали его друзья. Только теперь он понял, сколько их у него.

Мы сидим с Ростом за столом, на котором пачка треугольников. Написано людьми, чьи имена говорили о чем-то только ему, и людьми, чьи имена теперь известны всему театральному миру. Эти письма — словно повесть о верности и дружбе.

Силы возвращались к нему. Но все же о театре, тем более о детском, речи быть не могло. Кому нужен хромой артист? Ушел в администраторы, стал директором госэстрады.

Тогда забил тревогу зритель. В «Правде Украины» появляется «Письмо Комитету по делам искусств», написанное от имени детей Юрием Яновским. В нем, в частности, говорилось: «Мы слышали, что в восстановленном ТЮЗе не будет артиста Роста, которого мы очень любили. Верно ли это? Артист Рост добровольцем пошел на фронт, был дважды тяжело ранен, теперь хромает. Но неужели режиссер не может так срежиссировать, чтобы Рост все же остался на сцене? Нас очень это интересует...»

И было возвращение! Вопреки всему — личным сомнениям, болезни, утверждению, что однажды ушедшие из ТЮЗа больше сюда не возвращаются никогда.

Однажды Кирилл Лавров вспоминал, как входил в роль старого хромого человека. Постоянно думая о своей будущей роли, не заметил, как ему начали уступать место в общественном транспорте. Не как популярному актеру, а как преклонных лет человеку. С Ростом получилось иначе. Нужно было, чтобы ни зритель, ни партнер не замечали его хромоты. Каждая роль будет требовать огромных усилий, а ролей будет не одна, не две, не десятки даже — сотни.

...Маршрутное такси от Бессарабского рынка быстро домчит вас к ТЮЗу. Не правда ли, в этом есть нечто символическое — театр для юных находится на горе, он расположен выше будничного шума, здесь шум бывает праздничным. И даже если адрес театра еще изменится, — не это главное, важно, чтобы оставалось неизменным постоянство творческого поиска.

Таким постоянством всегда отличался Рост. Этим огнем он зажигал окружающих. «В диалогах с ним сразу же становится заметной малейшая неигранность, фальш, и актеры перестраиваются просто на глазах. Ищут верный тон, необходимое состояние, и, найдя, возвращаются к своим эпизодам, проводят их верно», — так отзывался о старейшем тюзовце-актере старейший тюзовец-режиссер А. Саломарский.

А кто-то из тюзовцев помоложе вспоминал, что Михаил Аркадьевич как-то сказал ему: «Не кричите на сцене, выразите мысль — изображая». И это стало потом главным правилом в работе.

«Выражайте мысль, изображая»... Фраза вспомнилась, когда, будучи в Ленинграде, случайно попал на фотовыставку известного журналиста Юрия Роста. Лица, глаза, жесты, а за всем — характеры, философские обобщения, эпоха. Наши с вами современники, наше с вами время, без фальши. Ищу портрет отца.

Есть Галина Уланова на пороге 1985 года; Кипиани, который уходит; Алиса Фрейндлих в зазеркалье; Мария Приймаченко и ее сын Федор, другие знаменитые и неизвестные люди, а отца — нет. И вдруг понимаю — а ведь это не так просто запечатлеть одним щелчком спускового механизма целую жизнь, тем более — родную. И ничего не упустить, и выбрать верный тон и верный взгляд.

...«Я прожил долгую, трудную жизнь, — записаны в моем блокноте слова заслуженного артиста УССР М. Роста. — Меня, очевидно, можно назвать старым актером. Но тогда наверняка покажется анахронизмом сочетание — старый актер и театр юного зрителя. Но это только на первый взгляд. Всем, кто в своем творчестве соприкасался с молодостью, жизнь дарит удивительное право не стареть, сколько бы осенних листьев не падало у твоего порога».

Рост сидит на стуле рядом со своей гитарой и смотрит в окно. Тикают часы, начинается день...

И. ИВАНИЦКИЙ.

Киев.